Текст · 7 февраля 2023, 14:02
Дмитрий Швец,

«Режим рухнет раньше, чем УДО наступит». Дело барнаульской журналистки, обвиняемой в распространении «фейков» об ударе по драмтеатру в Мариуполе

В Барнауле обвинение потребовало девять лет лишения свободы для активистки и журналистки Марии Пономаренко, попавшей в СИЗО за пост об обстреле российской армией мариупольского драмтеатра. Следователи обнаружили в посте «фейки» о российских вооруженных силах. «Медиазона» рассказывает, как мать двух дочерей не растеряла оптимизма за девять месяцев психбольниц, этапирования и изоляторов без солнечного света.

Арест за пост о драмтеатре в Мариуполе

В первые недели российского вторжения в Украину Уголовный кодекс пополнился статьей о «фейках» про армию, и силовики начали стремительно привлекать по ней: уже к 7 апреля правозащитники насчитали 21 такое дело, за 2022 год было возбуждено 187 дел.

Сами дела обычно похожи: человека судят за публикации о том, что российская армия причастна к тем или иным преступлениям, чаще всего к убийствам в Буче или обстрелам гражданских зданий в Мариуполе.

Как раз бомбардировка драмтеатра в Мариуполе, случившаяся 16 марта 2022 года и ставшая причиной гибели сотен людей[1], и послужила поводом для поста, из-за которого уголовное дело завели на Марию Пономаренко, жившую в Барнауле и работающую в *RusNews* — издании, специализирующемся на освещении протестов.

У Пономаренко, 44-летней матери двоих детей, заметная для региона активистская биография: в 2020 году ее оштрафовали за маску с надписью «Путина в отставку», признав это пикетом; против нее велась доследственная проверка по уголовной статье о неоднократных нарушениях на митингах. 1 марта 2022 года *RusNews* написало, что у журналистки в этот день шло четыре разных процесса в судах.

Марию Пономаренко задержали в Петербурге 24 апреля — силовики посчитали «фейком»[2] ее пост в канале «Цензуры нет» о том, что российские войска обстреляли драмтеатр (сейчас пост уже удален).

Суд отправил журналистку в СИЗО. Позже ее этапировали из Петербурга в Алтайский край, поскольку Пономаренко живет в этом регионе и местные силовики занимаются расследованием дела.

Адвокат Дмитрий Шитов, объясняя позицию защиты, акцентирует внимание на том,

что журналистка никогда не занималась распространением именно заведомо ложных данных: «Мы исходим из того, что эта информация, когда она публиковалась Марией, для нее была правдивой — никакой заведомой ложности в этом для нее не было. Грубо говоря, информация в украинских пабликах об этом появляется вечером 16-го, а утром 17-го Мария об этом пишет. Никакой другой информации в тот момент для сравнения, сопоставления не было. Даже наш МИД публикует свою информацию об этом позже, днем, Министерство обороны — вечером или днем[3]. Мы исходим из того, что для Марии в той ситуации эта информация выглядела правдивой и у нее не было умысла опорочить вооруженные силы».

СИЗО, этап, протесты

Хотя дело Пономаренко и не стало самым громким в длинной череде дел о «фейках», оно тоже стало поводом для протестов. Например, активист Сергей Курков проводил за нее пикет в Петербурге. Его задержали, и следующую акцию Курков провел уже в Хельсинки. Плакат с фамилией Пономаренко приносили в Петербурге к памятнику пацифистке Раймонде Дьен. В поддержку журналистки активно выступают сибирская активистка Яна Дробноход и политик Юлия Галямина, создательница движения «Мягкая сила», куда входит и арестованная журналистка.

При этапировании через СИЗО Кирова, как рассказывала Пономаренко, сотрудники переломали ей все сигареты, которые в изоляторе служили валютой. Кировское издание «Мы» утверждало, что

его сайт пытались взломать после публикации о Пономаренко.

«"Столыпин"[4], 10 человек на трех квадратных метрах. Жара, духота, накурено, грязно до безобразия, спальных мест — шесть штук... Никаких матрасов и прочего. И да, к 10 человекам прибавьте в среднем по два больших баула», — описывала этап сама Мария Пономаренко.

После этого в начале лета и без того непростая ситуация ухудшилась. Как рассказывает адвокат Шитов, журналистку переводили в разные камеры барнаульского СИЗО-1 и в какой-то момент она оказалась в помещении с заклеенными окнами, там у нее обострилась клаустрофобия. Через два месяца в такой камере, в сентябре, Пономаренко вскрыла вены. Кроме того, отмечает адвокат, ее дважды отправляли в карцер.

Активистов, пытавшихся поддерживать журналистку на заседаниях по мере пресечения, порой выгоняли из зала суда. Дробноход публиковала видео из коридора суда, на котором слышно, как женщина, вероятно, сама Пономаренко, срываясь, кричит: «Давят, давят, давят!». По словам активистки, Пономаренко так отреагировала на допросы ее несовершеннолетних дочерей. «Маша единственное, что успела попросить, чтобы все брали 51-ю статью[5]

— все родственники, и все, кого будут допрашивать, только 51-ю. Потому что это реально судилище, просто судилище», — говорила Дробноход.

Уже в июле суд назначил Марии Пономаренко 15 тысяч рублей штрафа по статье о возбуждении

ненависти (20.3.1 КоАП) из-за комментария в *TikTok* про полицейских. Как объяснял адвокат, журналистка оставила комментарий еще в сентябре 2021 года.

Около недели она провела в психиатрической клинике, где проходила экспертизу. «Меня за требование личной одежды, посуды, мыльно-рыльных средств и прокладок насильно кололи неизвестной субстанцией, которая должна была успокаивать, однако… Трое суток вообще не помню», — рассказывала она, вернувшись в СИЗО.

Домашний арест в квартире с бывшим мужем

Условия содержания в изоляторе Пономаренко в суде называла «пыточными» и просила перевести ее под домашний арест. Поначалу суд ей в этом отказывал, однако в ноябре, когда дело уже рассматривалось по существу, просьбу все-таки удовлетворили, и ей разрешили жить в квартире бывшего мужа, от которого у Марии две дочери, при этом ФСИН безуспешно пыталась оспорить это решение.

Правда, отношения у бывших супругов настолько непростые, что после одной из ссор Пономаренко попросила вернуть ее в СИЗО — сначала в знак «протеста против мобилизации». Суд и эту просьбу не выполнил, так что в ночь на 27 января журналистка сама нарушила домашний арест и пошла сдаваться в полицию, оттуда ее увезли в суд, где опять арестовали.

«Исходя из ее настроения, я могу сказать, что она не жалуется. Судя по ее состоянию, ей лучше, чем дома,

в условиях конфликтной ситуации с супругом», — рассказывает адвокат Шитов. Дочери живут с отцом и его родителями, ранее адвокат говорил, что, со слов Пономаренко, бывший муж на нее напал.

В суде прокурор просит 9 лет заключения

Отзываясь о судебном процессе, юрист первым делом говорит, что из-за статистики оправдательных приговоров у него нет иллюзий относительно исхода дела. «Но в целом нам дают работать, стороне защиты», — оговаривается он.

На прениях 7 февраля обвинение запросило для Пономаренко девять лет лишения свободы. Пока что такой срок по этой статье арестованным еще не назначали, только политик Илья Яшин получил восемь с половиной лет колонии, еще на девять лет осуждена блогерка Вероника Белоцерковская, но — заочно, она находится не в России.

Правозащитник Павел Чиков писал, что, по данным на конец января, из 23 известных приговоров только семь закончились реальным лишением свободы и большинство из них пришлось на декабрь. «Суды ужесточили позицию по уголовным делам о военных фейках», — констатировал Чиков.

Несмотря на такие мрачные обстоятельства, Мария Пономаренко старалась держаться в судах бодро: почти всегда на фотографиях она улыбается и изображает пальцами сердечко, даже когда

пристегнута наручниками к конвоиру, передает коллегам теплые письма, пишет стихи.

Стоя в клетке в туфлях и пиджаке, она говорит сочувствующим: «Режим рухнет раньше, чем у меня УДО наступит».

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Пока что украинские власти не могут установить число жертв, поскольку Мариуполь находится под российским контролем.
2. Пункт «д» части 2 статьи 207.3 УК. Наказание — до 10 лет лишения свободы.
3. Формально первые комментарии Минобороны России все же появились вечером 16 марта — в них вина за взрыв перекладывалась на «Азов».
4. Имеется в виду вагон для этапирования заключенных.
5. Статья 51 Конституции позволяет не свидетельствовать против себя и своих близких родственников.